

Как вел себя рейтинг Владимира Путина в течение трех лет до начала СВО? В марте 2019 года он был на высоте 64%, поднимался до 69% в феврале 2020-го и опускался до 59% в апреле–мае 2020-го. К концу 2021 года рейтинг был на уровне 69%, в январе 2022-го вырос до 71%. В целом можно сказать, что две трети респондентов устойчиво поддерживали президента или, как мы полагаем, выражали одобрение существующей ситуации.

В первой статье¹, посвященной этой проблематике, отмечалось, что какую бы политику ни вел Путин, две трети взрослого населения страны на протяжении всего времени его пребывания во главе государства в ежемесячных опросах «Левада-центра»² отвечали «одобряю»

1 Подробнее об этом см. в: Левинсон А. *Несостоявшаяся Россия* // Неприкосновенный запас. 2025. № 2(160). С. 99–102. – *Примеч. ред.*

2 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

на вопрос «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность В. Путина на посту президента РФ?» (в том числе в период президентства Дмитрия Медведева). Дружба ли со странами Запада, вражда ли с ними, но рейтинг был не ниже 60%, а в основном находился около отметки 65%. Мы объясняли это тем, что значительная часть общества, пережив сложные процессы 1980–1990-х, к началу нового века испытывала стремление объединиться и укрыться от мира в символическом убежище под названием «держава»³, воплощением которого стала фигура нового президента.

О чем мы не говорили, это о той примерно трети опрошенных, которые занимали позицию более или менее решительного *неодобрения* деятельности Путина на посту президента. Завороженные упомянутыми выше показателями рейтинга наблюдатели мало обращали внимания на эту группу «неодобрителей», хотя по численности она больше населения Австралии и разительно отличается от неподвижных 65% в определенные моменты нашей истории. В ней можно выделить два подмножества: треть и две трети.

Поговорим сначала про треть от трети, то есть примерно про 10% населения. Эти люди похожи на большинство в том, что не меняют своей позиции – только здесь позиции неодобрения деятельности президента, – что бы ни происходило. Они оппозиционно настроены, но никак не организованы, меж собой никак не объединены и, как правило, не знают о существовании друг друга. Ожидать от них скоординированных действий не приходится.

Среди них есть те, кто – случись выборы в Думу – был бы избирателем

КПРФ и ЛДПР, а есть те, кто составил бы электорат «Яблока». Основная же часть этого подмножества вообще не будет ни за кого голосовать, а свою политическую позицию высказывает ответом «не одобряю» на вопрос интервьюера. Однако лежащие в основании этого мотивы у них различны и частью политически противоположны: например, одни осуждают введение войск на территорию Украины, а другие считают, что войска действуют там недостаточно решительно.

В целом надо по достоинству оценить тот факт, что в нынешних политических условиях находятся люди, которые готовы заявить о своем отрицательном отношении к деятельности первого лица не друзьям за бутылкой и не домашним на ушко, а незнакомому человеку с электронным планшетом в руках, записывающим их беседу. Они не могут не знать, что своим ответом заявляют о нелояльности тому порядку вещей, который государством объявляется единственно правильным и возможным в нашей стране. Их ответ – это поступок.

Наш опыт показывает, что нередко такие люди – одиночки, не находящие единомышленников в своем окружении. Им некому поведать о своих чувствах и взглядах, а интервьюер – чужой для них человек – более желанный собеседник, чем те, кто живет рядом. Найти этих людей и уговорить на разговор, групповую дискуссию очень и очень нелегко. Но если они приходят, то часто удивляются, что нашли другие люди с такой же, как у них, позицией.

Есть среди таких людей и те, кто, напротив, окружен – в семье, на работе, в компании – единомышленниками, что создает у них ощущение многочислен-

3 Предложенное объяснение нуждается в дальнейшей проверке, поскольку не дает ответа на вопрос: почему доля постоянно лояльного большинства не падает ниже 60%, хотя состав его участников за 25 лет не мог не измениться.

ности тех, кто не одобряет курс руководства. Иногда они характеризуют эту ситуацию словами: «Да все так думают, просто вслух не говорят».

Второе подмножество – две трети от трети, или примерно 20–25% населения, – отличается от неизменно одобряющих или не одобряющих тем, что их точка зрения *переменна*, они примыкают то к одним то к другим, *меняя* в определенных ситуациях свою позицию на одобрение деятельности Путина на посту президента России.

Такое «примыкание» не означает, что эти люди совершают какие-либо конкретные действия – речь лишь о «переходе» ответов, которые дают респонденты, из одной группы в другую, выделенную по признаку поддержки президента в сконструированном социологами пространстве общественного сознания. Но это не говорит и о незначимости данного феномена, поскольку, помимо созданной исследователями мысленной реальности массового сознания, есть формируемая политиками реальность государства и его действий. А тут уже настоящие живые люди: одни командуют, другие подчиняются.

Здесь возникают два важных вопроса. Первый: зависит ли – и если да, то в какой степени – поведение политиков от того, одобряют их политику или нет те, кому отведена роль лишь зрителей, кто только отвечает на вопросы интервьюеров? И второй: зачем нужны опросы в политических режимах, где отношения населения и десятилетиями не сменяющегося лидера устроены явно не так, как в странах, где за тот же срок эти смены проходят часто и регулярно?

Для ответа воспользуемся образом зеркала. В описываемых ситуациях между лидером и публикой складываются отношения примерно того же рода, что возникают меж тем, кто смотрит в зер-

кало, и его отражением. Отражение таково, каков смотрящий в зеркало, но то, что он видит, влияет на него, образует пусть единственный, но контур обратной связи.

«Фоновые» 60–65% постоянно одобряющих деятельность главы государства – это результат, который порадовал бы руководителей многих иных стран, для них это потолок популярности. Но для путинской России это рутинная, ставшая своего рода «точкой отсчета», «нулевым» уровнем. Наблюдения показывают, что в ряде случаев после того, как рейтинг опускался к этим значениям, принимались такие политические решения, которые дружно поддерживались теми самыми 20–25%, способными и готовыми менять свое мнение, переходить от неодобрения к одобрению деятельности президента.

История путинского правления знает по меньшей мере несколько примеров, когда одобрение его деятельности достигало феноменальных 85–88%. Первый раз – в 2008 году после быстрой военной победы над Грузией, в результате которой отдельные территории, скажем так, «перешли на нашу сторону». Второй раз – в 2014 году, когда «Крым наш!». Или, если в августе 2021-го доля неодобряющих деятельность Путина достигала 37%, а в декабре – 34%, то после 24 февраля она сократилась более, чем вдвое: до 15% – и в течение следующего года была такой же, за счет чего уровень одобрения деятельности президента держался на субрекордных уровнях свыше 80%. Это рейтинг если не победы, то ее ожидания.

Вот, оказывается, что нужно этим 20–25% россиян – военная победа, удостоверенная отвоеванием каких-то земель. Немало данных указывает на то, что символическое значение этих приобретений гораздо важнее практического.

Не в обширности или плодородии этих земель дело, не в их недрах – они имеют значение трофея, знака превосходства над побежденным врагом. И кто же этот враг? Массовое сознание с готовностью принимает версию, что Россия продолжает свою вековую борьбу/войну с Западом. Грузинские ли, украинские ли земли, это – как ни удивительно – символы нашей победы над Западом.

В феврале 2025-го, в третью годовщину начала СВО, российское общественное мнение оценило достигнутый военный результат так же высоко, как победу над Грузией и «взятие Крыма»: 88% одобрили деятельность Путина на посту президента (и верховного главнокомандующего). Доля неодобряющих опустилась до неснижаемого минимума в 10%. В мае картина была почти такой же: одобрение – 86%, неодобрение – 11%. Эти уровни обеспечиваются той частью российской общественности, которая склонна поддерживать политику президента лишь постольку, поскольку она ведет к победам над Западом, удостоверяемым территориальными приобретениями.

Кто они, эти люди войны? Это не партия, не движение, не организованная кем-то сила – это общность, возникшая в результате процессов, происходящих в массовом *сознании*, а не в *поведении*. Мы имеем дело непосредственно с материей массового *сознания*, причины описываемых процессов находятся там. Это значит, что мы отвергаем объяснения происходящего такими факторами, как влияние пропаганды или харизматичного лидера. В последнем случае само поведение лидера надо объяснять харизмой, каковая принадлежит не ему, а социуму, сконструировавшему себе такой контур, который управляет его, социума, поведением.

Завершая, надо отметить важный в теоретическом и практическом отношении вопрос, который требует дальнейшего исследования. Почему доли описанных категорий – постоянно лояльного большинства, постоянно несогласного меньшинства и меньшинства с переменной позицией – не меняются начиная с 2000 года при том, что состав входящих в них респондентов за эти четверть века не мог не измениться?